

Если бы да кабы...

Больничная палата в терапевтическом отделении, куда меня определили, – как раз напротив холла. В палате я один, моя койка возле двери, и я хорошо слышал, о чём беседовали две пожилые санитарки, присевшие передохнуть от напряжённой дневной суеты на диван возле стола дежурной.

Разговаривали о детях. На темы вечные, истрёпанные. Мол, дети забывают позвонить, редко навещаются, хотя и живут почти рядом. Автобусом – не более получаса езды, а маршруткой – и того меньше. А если нежданно и посетят родительский очаг, то долго не задерживаются. Ссылаются на неотложные дела, на бесчисленные проблемы.

– Потом, когда погрём, быть может, спохватятся и пожалеют нас, да поздно будет, – произнесла с огорчением одна из женщин.

– А может, мы сами такими были? – вздохнула в ответ другая. – Не раз обижали родителей, а сами просто не замечали этого за своими заботами. Мы не замечали, а родители нас не попрекали, только печалились да дожидались от нас участия и сердечности. Вот вернуть бы время! Взгляда бы с родителей не сводила, день и ночь лаской их одаривала!

Женщины помолчали, потом поднялись с дивана и разошлись по своим рабочим местам.

Я достал из тумбочки общую тетрадь в потёртом переплёте, стал её перелистывать.

Дневниковые записи принадлежали моей старшей сестре Фросе, которая проживала за тысячи километров от меня, умерла в прошлом году. Мы виделись редко, общались письмами и по скайпу.

Смерть Фроси не была для меня неожиданностью: она тяжело болела. Однако ни разу не пожаловалась на жизнь, сообщала, что окружена заботой. Особенно тепло отзывалась о дочери Марусе и внучке. Маруся со своей семьёй жила на одной

улице с мамой, и я не сомневался, что моя сестра Фрося обласкана вниманием родных и близких людей.

Откуда у меня общая тетрадь? Её мне прислала Маруся, вложив в посылку между книгами по здоровью, которыми я снабжал сестру, надеясь, что она воспользуется советами знаменитых врачей и ещё на долгие годы поддержит своё здоровье.

Понятно: книги Маруся решила мне вернуть. Но зачем прислала мне тетрадь с личными записями Фроси? На память о сестре? Возможно. Дневниковые записи, как ничто другое, раскрывают внутреннюю сущность человека, решившего, как на исповеди, выложить на бумагу свои мысли и чувства, рассказать о своих радостях и огорчениях.

Фрося вела записи нерегулярно, но тетрадь была почти заполнена. С кем, в котором часу и о чём разговаривала по телефону, кто заходил в гости, какой интересный фильм посмотрела по телевизору, десятки рецептов, описания лекарств – это и многое другое можно было найти на исписанных мелким почерком страницах.

Среди обилия разнообразной информации, криком души, набатом, звучащими словами отчаяния, в которые мне не хотелось верить. Сестра меня уверяла, что изнежена родными, а тут, в тетради, писала совершенно обратное:

«Плохо себя чувствую. Целый день прождала дочь. Обещала, что с утра зайдёт, но так и не зашла. Не могу к ней дозвониться. И у внучки телефон отключен. Неужели у них самих что-то случилось?»

На следующей странице:

«Сама позвонила дочери, не удержалась... И получила на орехи: мол, потревожила поздно, хотя на часах 22.30. Понятно, устала, но зачем на мне злость срывать? Очень досадно».

Через несколько страниц:

«Внучку не видела более недели. Скучаю по ней. На звонки отвечает, что занята. И чем там занята? И зачем ей купили смартфон? Даже ко мне придёт – не до общения, уткнётся в телефон да на кнопки нажимает».

Чуть далее:

«Позвонила дочери, но опять не вовремя. А мне очень плохо, таблетки не могу найти. Как ей теперь звонить? Боюсь. Ой, как стыдно, что болею и нуждаюсь в помощи!»

Я горько вздохнул и захлопнул тетрадь. Ах, милая Фрося!.. И зачем ты уехала далеко от родительского дома? Знал бы я, что тебе плохо! Я бы писал тебе чаще. Я бы общался с тобой по скайпу каждый вечер. Да и съездить к тебе раз в год во время отпуска – не было бы для меня затруднительно. Почему мы, люди, начинаем дорожить кем-то или чем-то, когда потеряем кого-то или что-то?

Я вспомнил родителей. А уделял ли я им достаточно внимания? Так хочется встретиться с ними, поговорить, поделиться радостями, получить совет, но родителей уже нет в живых. Смотрят они на меня с любовью и ободряюще с фотографий в альбоме... Однажды, в детстве, мама попросила меня прополоть грядки в огороде, но мне очень хотелось поиграть с ребятами. И я убежал на улицу. Потом мне совестно было посмотреть маме в глаза. Я до сих пор не могу простить себе тот проступок. Пустячный случай, казалось бы, так нет – осадок на душе на всю жизнь.

В больничном коридоре послышались знакомые шаги, и в палату ко мне зашли жена и внучка Танюшка.

Когда я отведал их угощений, жена покосилась на тетрадку в потёртом переплёте.

– Звонила Маруся, – сказала. – Плачет по матери... Я не могла её успокоить, сама разрыдалась. Жалко Фросю, замечательная она была... С Марусей так и не поговорили. Только плакала да причитала: «Если бы мама была жива, я бы для неё...» Грустно...

От двери послышалось:

– Если бы да кабы во рту выросли грибы, тогда бы был не рот, а целый огород.

– Танюша! – взорвался я, уставившись на внучку, которая, кружась по палате в известном только ей танце, невозмутимо напевала, как мне показалось, обидную и нелепую песенку.

Жена успокоила меня:

– Ребёнок ещё... Подурочится и перестанет... – и добавила: – Я заберу тетрадь домой, чтобы ты меньше тревожился... Мне стыдно за Марусю. И потому, что с дневниками матери легко рассталась. И потому, что не удосужилась их прочитать... Я бы так поступить не смогла...

– Не читала, – согласился я с женой. – Иначе, зная содержание записей, не прислала бы нам тетрадь...

Через несколько дней я поправил здоровье и выписался из больницы.

Подошёл к дому, а навстречу внучка со слезами на глазах.

– Малыш пропал, – заявила. – Совсем пропал...

Оказывается, пёс куда-то исчез ещё два дня назад, но мне об этом не говорили – боялись, что расстроюсь, а это на здоровье скажется.

С Танюшкой я обошёл все ближайшие улицы, расспрашивая прохожих. Заглянули в парк и на рынок. Окликая собаку, облазили все кусты вдоль ручья за нашим огородом. Когда-то Малыш уже пропадал, и я случайно наткнулся на него именно здесь, в лозняке. Он безмолвно лежал, положив голову на передние лапы, и едва переводил дух. Заметив меня, только вильнул хвостом, в глазах были тоска и печаль.

Я дважды приносил его домой, но каждый раз, отказываясь от воды и пищи, он, как только я отвлекался по своим делам, возвращался обратно. Помню, долго сидел рядом с ним и плакал, не зная, чем ему помочь. Но к радости всей семьи наш любимец вскоре поправился и уже через два дня звонко лаял на надоедливую сороку во дворе.

– Хоть бы Малыш был жив! – повторяла Танюшка, когда мы возвращались после напрасных поисков, когда за ужином делились своими предположениями. Мне почему-то казалось, что он опять позарился на лакомый с виду, но напичканный отравой, кусок мяса. Жена посчитала, что Малыш попал под одну из машин, которые прожогом носятся по улицам. И лишь Танюшка надеялась, что пёс или заблудился, или где-то загулял с собратьями, и обязательно вернётся. Наш безобидный пёс не представлял никакой опасности, а потому мы не держали его на привязи, предоставив ему полную свободу.

– Бабушка, можно, я не буду есть сосиску, а оставлю её Малышу? – попросила Танюшка.

– Ешь, внученька... Я не пожалею ему и две сосиски. Самые большие, самые жирные...

– А я сделаю ему на зиму новую будку, – не удержался я. – Просторную, утеплённую... Был бы он жив!..

Мальш объявился через два дня. Где он был, какая история с ним приключилась – мы, конечно, не смогли выяснить. Да и совсем не об этом мой рассказ.

Мы увидели пса возле нашего дома, когда возвращались из магазина с покупками.

Мальш с радостным визгом бросился к нам.

– Нашёлся! – Танюшка, раскинув руки для объятий, кинулась к Мальшу. Но пёс увильнул в сторону и опротя бросился к хозяйке. Та поставила сумку на землю, чтобы протянуть руки, но Мальш увернулся от неё и ринулся ко мне. Я попытался схватить его, но он и от меня уклонился и вновь рванулся к Танюшке. Пёс растерялся, не зная, кому же первому отдать предпочтение! Как он нам радовался! Как он по нас соскучился!..

Мы подошли к калитке.

Кто-то позвонил по сотовому Танюшке.

– Ой, Мальш, погоди, – она отстранила от себя собаку. – Да, Даша, я дома, – закричала подружке. – Приходи!.. Я прямо сейчас достану прибор для плетения, – внучка, опередив меня, забежала во двор и заскочила на крыльцо. – Дедушка, открывай дверь скорее!.. У тебя ключи?..

– Уймись, Мальш! Уймись! – цыкнул я на пса. – Тебе нельзя в дом! – и схватился за голову. – Да как же я забыл, что сегодня футбол по телевизору?! Неужели матч уже начался?..

Наступил вечер. Я не находил себе места, досадуя, что проиграла любимая команда. Жена готовила ужин на кухне. Танюшка пошла проводить подружку.

– Дедушка! Бабушка! – прибежала она с улицы всполошенная. – Мальш опять пропал! Нигде нет...

– Да куда он денется? – отмахнулся я. – Крепко уснул от усталости, вот и не отзывается...

– Он обиделся на нас, – обронила девочка.

– За что?.. Не выдумывай, – усмехнулся я.

И вдруг, словно током меня прошибло! Да как же так! Когда Мальша искали, то крепко печалились, без конца твердили, что если вернётся, гораздо лучше будем к нему относиться... А сами вот, занялись своими делами, а про обещания и позабыли... Если бы да кабы...

Лекарство от страха

Ко мне на две недели привезли шестилетнюю внучку. Жил я один, а потому сразу почувствовал праздник. Мы сходили в ближайшую рощицу за грибами, поплавали на лодке и порыбачили, а потом взяли в библиотеке хорошие книжки с картинками.

Поздним вечером, когда укладывались спать, внученька высунула нос из-под одеяла и встревожено спросила:

– Дедушка, а ты дверь закрыл на засов?

– Спи, – успокоил я девочку. – Ничего страшного не случится.

– А вдруг?.. Вот в нашем доме, в городе, грабители залезли ночью в соседскую квартиру... Страшно как!..

Я погладил внучку по головке, улыбнулся.

– Ты, правда, не боишься? – вытаращилась она на меня. – Мы же крепко уснём, и не услышим, как кто-то зайдёт...

– Пусть только попробует! Такой каши отведаст!..

Девочка прыснула в кулачки.

– И ничуть не страшно? – удивилась она.

– Не страшно, – я поправил на ней одеяло. – Ты же со мной...

– Де-душ-ка, – девочка вскинула бровки. – Я же совсем ещё маленькая...

– Ну, и что? – ответил я. – Мало ли что маленькая...

– Ты шутишь?..

– Ни капельки...

И я рассказал девочке историю, которая случилась со мной давным-давно, когда я только начал учиться в школе.

– Я жил с мамой в одном селе, а наша бабушка – в другом, соседнем. Наши сёла разделяли два ручья, между которыми расстилался широченный луг.

– И вы ходили в гости друг к другу?

– Да, очень часто...

– Ты, конечно, собирал бабушке букетик цветов...

– Нет, внученька, на том лугу цветы не росли...

– Почему? Не может быть!..

– Луг заболотился, зарос лозняком. Нам приходилось шагать по тропке, которая петляла между кустов... А в дождливую погоду там только в сапогах и можно было пройти – по лужам и грязи...

– Мрачное место, – передёрнулась внучка. – Лягушки да пиявки под ногами... Как в царстве Кощея...

– Ну, не совсем... Порхали мотыльки, щебетали птицы... Какие-то невзрачные цветочки попадались...

– Ну, хоть так...

– Мне, вообще-то, нравилось там... Но только днём... А ночью – лучше не заходи... В темноте в собственной комнате не пройдёшь, не наткнувшись на что-либо... А на местности и подавно – не ведаешь, куда шагаешь, под каждым кустом страхи мерещатся...

– А зачем ночью на луг ходить?

– Просто так ходить – и не за чем... А по делу – хочешь не хочешь, а надо... Пока мама поможет бабушке по хозяйству, уже сумерки наступают... Сама знаешь, осенью вообще рано темнеет.

– И часто ходили в потёмках через луг?..

– Часто...

– Так можно б было у бабушки переночевать...

– Ну, иногда ночевали... Но у самих дома было хозяйство, да и мама рано на работу вставала...

Внучка притихла.

– Ты уснула? – спросил я.

– Да нет, – ответила. – Тебя слушаю.

– Когда мы уходили от бабушки, та всякий раз тревожилась за нас, но мама спокойно и весело отвечала: «А мне не страшно. Я не одна, со мною сын».

Внучка подкатилась ко мне под бок, обняла меня ручонкой.

– Она, правда, не боялась? – спросила. – Или тоже шутила, как ты со мной?..

Я покачал головой.

– Нет, она не шутила... Да и я, дружочек, над тобой не подтруниваю...

– Но какой прок от малышни?..

Я не стал отвечать на вопрос.

- Однажды, – продолжил, – мне одному пришлось возвращаться домой...
- Ночью? В темноте? И бабушка тебя отпустила?..
- От бабушки я ушёл ещё засветло. Ходу-то через луг – полчаса, не больше...
- Заблудился?..
- С ребятами заигрался на краю села. Оглянуться не успел, как сумрачно стало.
- И вернулся бы к бабушке...
- Я побоялся, что заругает...
- Позвонил бы маме, она бы и встретила... Или тоже испугался, что ругать будет?..
- Тогда, миленькая, сотовых телефонов не было... Мама думала, что я у бабушки заночевал, потому за меня не волновалась... А бабушка, в свою очередь, понадеялась, что я уже давно дома...
- И...
- Я пошёл...
- Не испугался?
- А что оставалось делать?..
- Было страшно?.. Расскажи...
- Не помню уже... Давно это было... Сначала, конечно, жуть обуюла... Кромешная тьма, ничего не видно... Потом глаза привыкли, стал различать кусты, тропку под ногами...
- Я б одна не пошла... Я недавно ужастик смотрела... Знаешь, деда, как страшно!.. И что дальше?..
- Вдруг, слышу...
- Что?..
- Шорох чуть в стороне...
- В кустах?..
- Нет, в траве...
- И что это было?..
- Ёжик... Я сразу догадался, что это он шуршит... Кинулся с тропки и успел его схватить...
- Но он же колючий!..
- В иголках... Немножко меня исколол...
- А почему не убежал?
- Не знаю... Он просто свернулся в клубок... Когда я осторожно подsunул под него руку, он и развернулся у меня на ладони...
- Расскажи, какой он?.. Я только на картинке ёжика видела...
- О ежах я совсем недавно читал в журнале. Девочка с интересом слушала, а потом спросила:
- Ты его отпустил, или домой принёс?..
- Домой...
- Наверное, молочком угостил?..
- Попотчевал... Мы спать улеглись, а он всю ночь по дому из комнаты в комнату шаркал...
- А мы можем поймать ёжика?..
- Ну, если встретится....
- Ой, дедушка, а как же ты через луг прошёл?.. Я представляю, как тебе страшно было!..
- И ничего не страшно...

- Почему?..
- Я же не один был...
- А с кем?.. Неужели, ребята тебя догнали и провели через луг?..
- Не ребята...
- А кто же?..
- Ёжик...
- Не смейся, дедушка... Опять шутишь?
- Представь, миленькая, ёжик фыркал, сопел, перебирал лапками...

Я разговаривал с ним, и все ужасы ночи куда-то отодвинулись... Я не заметил, как прошёл по шаткому мостику через первый ручей, как шагал между кустов лозняка, как ступил на хлюпкий мосток через другой ручей...

– Правда?..

– Конечно, правда...

– Я всё поняла, дедушка! – девочка приподнялась в постели. – Получается, что я сейчас для тебя как тот ёжик для тебя в детстве и как ты для мамы в те годы...

– Выходит, что так...

– Извини, дедушка... Я ведь, честное слово, подумала, что ты надо мной потешаешься, – она опять улеглась и прикрылась одеялом. – И всё же, знаешь, закрой дверь на засов. На всякий случай...

Мы весело провели две недели. Я ни разу не запираю дверь на ночь, и даже распахивал окно на улицу в палисадник, чтобы в комнате, где мы спали, не было душно.

За девочкой приехали её родители. Вечером я проводил гостей на поезд, посидел на крылечке, посмотрел телевизор.

Укладываясь спать, я запер дверь, плотно закрыл на шпингалеты окна. Я долго не мог уснуть, прислушиваясь к звукам во дворе и на улице... Может, там кто-то ходит? Не те ли грабители, что месяц назад забрались к одинокому пенсионеру через четыре дома по соседству?.. И опять обострилась навязчивая мысль: «А не завести ли мне котёнка?».